

Alena Yavorska

Muzeum Literatury w Odessie, Ukraina

**ИЕРУСАЛИМ В ПОВЕСТИ СЕМЕНА
ГЕХТА ПАРХОД ИДЕТ
В ЯФФУ И ОБРАТНО (1936)**

Иерусалим – город, священный для трех религий. Но после Октябрьской революции и провозглашенной большевиками борьбы с религией, как опиумом для народа, в советской литературе упоминание этого города стало как бы неуместным. Тем удивительнее, что в конце двадцатых годов два писателя, воспитанные в разных религиозных традициях – христианин и иудей – делают Иерусалим местом действия своих произведений. Это Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» и Семен Гехт в повести «Пароход идет в Яффу и обратно»¹. И еще удивительнее, что действие в обоих произведениях разделяется на три части – у Булгакова это история Мастера и Маргариты, современная Москва и история Иешуа. У Гехта – дореволюционная Одесса, Палестина начала 1920-х и Биробиджан конца 1920-х годов.

Семен Гехт принадлежит к одесской литературной школе, и, единственный из писателей этой школы, мог с полным правом повторить шутиливую фразу Ильи Ильфа: «Закройте дверь. Я скажу вам всю правду. Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги»². Он действительно родился в нищей еврейской семье на Молдаванке, и, в отличие от многих еврейских советских писателей, не скрывал полученного религиозного образования:

Я ребенок. Я снова читаю Талмуд
И ищу откровений великого Раши³

Семена Гехта называли учеником Исаака Бабеля, ранние его рассказы явно написаны в подражание текстам Бабеля. В 1920-е годы главная тема его творчества – жизнь еврейского местечка в годы революции и гражданской войны.

¹ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936.

² И. Ильф, *Записные книжки: Первое полное издание*, Москва 2000, с. 563.

³ С. Г. Гехт, *Бытие Силуэты*, Одесса 1923, № 4, с. 4.

Первое известное упоминание повести «Пароход идет в Яффу и обратно» в письме другу, одесскому писателю Сергею Бондарину в мае 1930-го:

«... Летом соберусь и закончу свой арабийский роман. Он наполовину написан. Меня что-то не тянет к нему»⁴.

Книга вышла только в 1936 году тиражом 10 000 экземпляров и особого внимания критики не привлекла. Критика молчала, единственный отзыв есть в записных книжках Ильи Ильфа, он достаточно резкий:

Палестинские пальмы имеют мохнатые ветви. Я таких не видел ни в Батуме, ни в Калифорнии. «Обильные косы». «Маджестик», новый французский пароход, пришел в Яффу. А он английский, не новый, и в Яффу не ходит»⁵.

Если у Булгакова, сына профессора Киевской духовной академии, источником сведений об Иерусалиме были богословские книги, то Семен Гехт, как я предполагаю, узнал детали о жизни Палестины и Иерусалиме от человека, непосредственно там побывавшего.

В 1925 году Семен Гехт женился на одной из знаменитых в кругах футуристов сестер Синяковых – Вере. С женой он бывал в литературном салоне Лили Брик и, вероятно, именно там познакомился с Яковом Блюмкиным. Блюмкин, как и Гехт, тоже одессит, они одногодки. Но к тому времени Блюмкин фигура известная и отчасти загадочная – чекист, разведчик, убийца германского посла фон Мирбаха. Он был вхож в литературные круги – дружил с Сергеем Есениным, Владимиром Маяковским, его упоминал в стихотворении «Мои читатели» Николай Гумилев:

Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи⁶.

Еще одна версия – Гехта и Блюмкина мог познакомить Валентин Катаев. В его стихотворении «Террорист», написанном в 1920 году, идет речь о знакомстве с Блюмкиным и участии того в литературной жизни Одессы.

⁴ А. Л. Яворская, *Письма Семена Гехта в фондах ОЛМ* [в:] *Дом князя Гагарина*, вып. 3, т. 2, Одесса 2004, с. 233.

⁵ И. Ильф, *Записные книжки: Первое полное издание*, Москва 2000, с. 572.

⁶ Н. С. Гумилев, *Стихи. Поэмы*, Тбилиси 1989, с. 344.

Он молод был. Курчав и смугл лицом,
 Откуда-то вернулся из Сибири.
 Ружье и бомбы прятал на квартире,
 Носил наган и был поэт притом.
 В семнадцатом мы часто с ним вдвоем
 Читали перед чайником в трактире
 Эредиа единственного в мире
 И спорили часами о Толстом.
 Потом исчез. А через год с другими
 Я повторил знакомое мне имя:
 «Убит Мирбах. Убийца был таков».
 Не даром же – «У левого эсера, –
 Он говорил, – должно быть меньше слов,
 Чем метких пуль в обойме револьвера»⁷.

О возможном участии Якова Блюмкина (три его брата также увлекались литературой, не исключено, что речь идет об одном из них) в литературной жизни писал эмигрировавшими в Палестину коллекционер Яков Перемен:

Дело было в начале 1907-го [ошибка мемуариста, правильно в 1917 – А.Я.] в Одессе, когда объединились в одно товарищество под названием „независимые“ несколько молодых обладателей таланта в поэзии и живописи... Их материальное положение было трудным, что привело их к духовной деградации, и ассимиляция разъедала их души. Итак, я решил помочь этой молодежи, при условии, что моя помощь возвратит их к лучшему состоянию как в смысле человеческом, так и в еврейском.

В группе поэтов особенно отличались: Багрицкий, Блюмкин, Соболев, Финк и др. Эти были «корифеями молодой поэзии»⁸.

Окончательно подтверждают знакомство Гехта и Блюмкина протоколы допросов в НКВД – Гехт был арестован в мае 1944 года.

Случайно в 1926 году столкнулся на улице с Яковом Блюмкиным – бывшим секретарем Троцкого.

– Что, – спрашивает, – пишет сейчас Бабель?

– Рассказы, – говорю, – о чекистах...

– А-а, – засмеялся. – «Вечера на хуторе близ Лубянки»... Побасенки стороннего наблюдателя⁹.

⁷ В. П. Катаев, *Избранные стихотворения*, Москва 2010, с. 149.

⁸ Е. В. Матонин, *Яков Блюмкин: Ошибка резидента* <http://fibusta.is/b/460986/read>.

⁹ Э. Шульман, *Опасность или поучительная история*, [в:] С. Г. Гехт. *Избранное*/ сост. А. Яворская, Одесса 2010, с. 368–369.

Именно Блюмкин мог рассказать о Палестине – в декабре 1923 он с фальшивыми документами отправляется в Палестину и живет в Яффе до весны 1924 года.

Выбор Блюмкина для засылки в Палестину нельзя не признать удачным. Он попал в родственную себе национальную и духовную среду. Ведь он учился в Талмуд-горе, хорошо знал идиш, быт, нравы и обычаи иудеев, наверняка имел представление об иврите. К тому же его появление в Палестине вряд ли могло вызвать большие подозрения – в 1920-е годы эмиграция на Землю обетованную была весьма популярной идеей среди евреев всего мира.

С большой долей вероятности можно предположить, что главная задача советского резидента в Палестине состояла прежде всего в сборе и анализе информации о британских планах на Ближнем Востоке, в Азии и возможном подрыве английского господства в этом регионе¹⁰.

Точно неизвестно, какие именно сведения он собрал, но бесспорно одно – если дореволюционную Одессу Гехт описывал по детским воспоминаниям, еврейские колхозы в Биробиджане он видел как корреспондент, то реалии жизни Палестины – и бытовые, и политические – мог так детально узнать только от очевидца.

Автор сам является одним из героев повести, другом Александра Гордона, часть текста написана от первого лица. И важное замечание:

Я никогда не был за границей, и меня всегда – и сейчас – волнуют чужие земли. Какая там трава, какие дома и деревья, какие поля и дороги – все это хочется увидеть своими глазами. Я родился с душой путешественника. Я хотел бы побывать в Скандинавии и Абиссинии, Калифорнии и Греции. Иногда мне кажется, что мне в жизни ничего не надо, кроме долгих и утомительных путешествий, но я обречен ловить тени дальних краев и стран. Я знаком с ними по книгам, по рассказам друзей, по снимкам и фильмам, но никогда не видел чужой земли своими глазами¹¹.

Косвенным подтверждением того, что именно рассказы разведчика Блюмкина легли в основу повести, можно считать и появление в ней Томаса Лоуренса, ставшего одним из второстепенных героев.

В центре повествования два еврейских юноши-сиониста: одессит Александр Гордон и уроженец местечка Герш Гублер. Они познакомились в 1920 году на пароходе, идущем в Палестину. В конце повести Гордон вернется в Советский Союз и поедет в Биробиджан, туда же после освобождения из английской тюрьмы направится и Гублер. Гехт в повести очень подроб-

¹⁰ Е.В. Матонин, *Яков Блюмкин: Ошибка резидента*, <http://fibusta.is/b/460986/read>.

¹¹ С.Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 52.

но описывает Тель-авив и Иерусалим, жизнь колонистов, разные партии и группировки еврейских переселенцев, столкновения с арабами и прочие политические реалии Палестины, упоминая реальных людей и реальные события. Иерусалим показан в основном глазами Александра Гордона. Любопытно, что именно этого героя Гехт наделил фактами своей биографии. Отношение Гордона к Иерусалиму на протяжении всей повести изменяется. Сперва Иерусалим – город мечты, по словам из Пасхальной Агады «в следующем году – в Иерусалиме».

Когда Гордон слышал, с каким равнодушием евреи кричат в синагоге: «Пожелаем друг другу встретиться в будущем году в Иерусалиме!», он недоумевал: откуда их холодность? неужели они забыли?¹²

Гехт цитирует старую еврейскую песню:

На дороге стоит дуб,
Он от старости согнулся.
Едет еврей в Святую землю
С заплаканными глазами¹³.

Александр Гордон, один из героев повести, вначале особенно восторженно описывает Иерусалим, практически все развернутые пейзажи города связаны с ним. Иерусалиму почти полностью посвящена шестая глава повести – ведь попав в Палестину, все евреи из разных стран стремятся именно в Иерусалим.

Они рвались в Иерусалим, чтобы прилипнуть губами к жирным мхам Стены Плача, к последним камням, уцелевшим от древнего Соломонова храма¹⁴.

Но не все разделяют это стремление, так, подвозивший Гордона в Иерусалим шофер говорит:

зачем вы едете в эту богадельню, в Иерусалим? Вам же, я полагаю, нужна работа. Кто ищет ее в Иерусалиме? Надо было оставаться в Яффе. В Тель-Авиве сейчас строятся две гостиницы, там большие водопроводные работы... Кто едет в Иерусалим?¹⁵

¹² С.Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 22.

¹³ С.Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 22.

¹⁴ С.Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 44.

¹⁵ С.Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 44–45.

Но пока для героя это город детской мечты.

Гордон разглядывал песчаные холмы Иерусалима, его черные стены с квадратными башнями, множество крыш, напоздавших одна на другую... <...>

Сколько дней и ночей продумал он о том часе, когда окажется на улицах Иерусалима! Вот он, древний город, вот его улицы, и Гордон ходит по ним. Он оказался где-то в предместье, заполненном монастырями, гостиницами, темными домиками. <...> Показались глухие улицы, глинобитные заборы. Брели козы. Валялись в грязи голые арабские мальчуганы. Одна улица была покрыта рогожным навесом. На улице Гордон задыхался от жары и вони. Рядом пекли хлеб. Сухой навоз горел на камне. <...> Город, показавшийся ему невыразимо прекрасным сверху, выглядел удивительно бедно. Все прохожие носили рвань, дома были полуразрушены, всюду воняло¹⁶.

И все же герой пока еще очарован своей сбывшейся мечтой

Это же были камни Иерусалима! Вон видна в отдалении Западная стена! Надо нарочно закрыть глаза и долго держать их закрытыми, до семицветных радуг, и потом вдруг, внезапно, с размаху, открыть их и увидеть зубцы башен, и увидеть водоемы, и сильно задрожать, и, почувствовав тесноту сердца, с торжественным плачем грохнуться о землю, и, целуя красный прах, лежать ничком до тех пор, пока не растопчет тебя своими копытами конь бедуина. Ой, тоска Йегуды бен Галеви!

<...> Жадно, как нищий, вглядывался Гордон в толпу, в вывески, в афиши, будто по всплывшей на поверхность пене пробовал он святую землю!

По улицам шли черные евреи, шли шумные еврейские старухи, молодые люди с папками. На них были клетчатые пиджаки и штаны, стянутые книзу, как респираторы. Шли молодые люди в толстовках. Толстовки пучились сзади, оставалось место для несуществующего горба. Шли арабы, в бурнуссах и без бурнусов, в широких штанах, в чалмах и кепи, в плоских фуражках и узкополых, похожих на рукопожатие, фетровых шляпах¹⁷.

Но в святом городе есть место и для нового – Гехт пишет об Академии искусства и дизайна Бецалель.

«Бе-ца-лел!» – вот что прочел он на вывеске сероватого, удивительно похожего на сиротский дом особняка. <...> Рассказы о художественных мастерских, где еврейские юноши создавали свое новое искусство, были самыми волнующими рассказами, услышанными им¹⁸.

¹⁶ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 45–46.

¹⁷ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 46–47.

¹⁸ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 47.

Первый приезд героя в Иерусалим – странствие по библейским и евангельским местам.

Гордон прошелся по Булочной улице, вышел на Суконное поле, обогнул Рыбные ворота, отдыхал в Плотничьей долине. Сознание, что эти названия сохранились еще со времен Давида и Соломона, слегка опечалило его. Это была легкая, лишенная тоски печаль – печаль, навеваемая воспоминаниями...

Как-то случилось, что первыми историческими местами, какие посетил в Иерусалиме Гордон, были не памятники могущественного прошлого Иудеи, но священные места христиан. Блуждая, он оказался в западной части города. Он вступил на *Via Dolorosa*, так называемый Скорбный путь.

Гордон взглянул налево и увидел Вифезду – Овчую купель, потом увидел церковь Анны-пророчицы и рядом с ней – часовню. Пузатые церкви его настоящей – неисторической – родины встали в его памяти. Здесь, в песках и камнях Иудеи, он увидел православные церкви с их громадными куполами, обилием темных и тяжелых икон и душными запахами курений – те церкви, какие он в изобилии встречал на каждой улице родного города в России¹⁹.

Гехт неоднократно пишет о неоднозначном отношении еврейской молодежи к Иерусалиму. Для них, приехавших возделывать землю и возрождать государство, Иерусалим кажется пережитком прошлого.

Жить в Иерусалиме было позорно для молодого человека. Молодежь говорила: «Мы для того и выстроили свой город, чтобы не жить в этом кугельном клоповнике»²⁰.

Но пока у Гордона преобладает восторженно-романтическое отношение к городу. Он пишет своему другу в Россию:

Я брожу по Иерусалиму, я целые дни брожу по Иерусалиму. Я только могу и делать, что бродить по Иерусалиму. Наша еврейская молодежь его ругает, а между тем он прекрасен. Они говорят: «Иерусалим – город старья, он мешает развитию новой Палестины. Молодому человеку стыдно жить в Иерусалиме среди больниц и богаделен, среди жалких стариков, проводящих все дни у Стены Плача»²¹.

С Иерусалимом, городом воскрешения Христа, связан и иронически окрашенный сюжет возвращения к жизни одного из персонажей повести – ребе Акивы Розумовского. По традиции многие состоятельные религиоз-

¹⁹ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 48–49.

²⁰ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 90.

²¹ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 51–52.

ные пожилые евреи дореволюционной России стремились умереть и быть похороненными в Иерусалиме, чтобы в день пришествия мессии и воскресения мертвых быть в святом месте. Старый Акива именно для этого приезжает в Палестину.

Приехав в Святую землю, Акива Розумовский явился в правление Халуки и записался там как умирающий. Ему выдали чистое белье, полотна на саван и месячное жалованье. Он поселился в богадельне Монтефиоре, в десяти шагах от Иосафатовой долины, дабы, сделавшись трупом, не затруднять людей, занятых рыданиями у Стены Плача. В первые дни он обошел все священные места: несуществующую гору Морию, несуществующий храм Соломона, башню Давида и Западную стену. Но чаще всего посещал он путаные коридоры Иосафатовой долины с ее друг друга перекрывшими могилами и сцепившимися надгробьями. В этой каменной суতোлке трудно было найти для себя местечко. <...>

В богадельне Акива Розумовский в первый раз познал сладость пищи и отдыха. Его сморщенный желудок не огорчался более ржавчиной астраханской селедки, выкупанной в уксусе, оголившихся десен не касался более черствый хлеб, выискиваемый на базаре за дешевку²².

И Акива не только не умер, но окреп, со стыдом вернулся к жизни, почувствовал ее вкус и новизну. Он начал работать – продавать билеты в кино, а затем даже женился – на шестнадцатилетней девушке. Постепенно Гордон охладевает к Иерусалиму, жизнь его становится тусклой и обыденной, и описания Иерусалима уже не восторженно-вдохновенны, а мрачны.

Иерусалимские водохранилища были пусты. Зной насухо вылизал водоемы. Над их кругами кружилась белая пыль. С красными книжками в руках бродили по улицам одетые, как альпинисты, иностранцы. Их одежды были тяжелы. Иные из них шли по следам Христа. Они разглядывали неуклюжие русские церкви и греческие часовни, полагая, что дорога приведет их к несуществующей горе Голгофе. Дорога вела к огромному и холодному греческому собору, где лежал безобразный камень, именуемый Господним гробом. Площадь собора была пустынна. Из мировой игры выбыл поставщик богомольцев – Россия²³.

Еврейские колонисты, о жизни которых Гехт пишет очень подробно, делятся с приехавшими воспоминаниями о погроме в Иерусалиме:

Вспомнили сухой день 4 июля 1920 года. В полдень арабы ворвались в еврейский квартал. Молодежь вышла им навстречу. На улицах засверкали ножи, раздались револьверные выстрелы. В тот день было убито пять евреев и четы-

²² С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 55.

²³ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 90.

ре араба. Английская администрация молчала, будто не замечая событий. По улицам возили раненых. Бой продолжался два дня. <...>

Англичане молчали два дня. Погром окончился. На третий день генерал Сторрс объявил осадное положение. Заседал военно-полевой суд. Он приговорил ко многим годам тюрьмы девятнадцать евреев и двух арабов. Командир маккавейских батальонов Владимир Жаботинский был осужден на пятнадцать лет²⁴.

Описание колониального начальства отношение к колониальным властям у Гехта вполне в русле требований советской литературы, они нарисованы самыми мрачными красками. Описывает Гехт и резиденцию губернатора:

На Масличной горе, там, где кончается скорбный путь – Via Dolorosa, ведущий от ворот Св. Стефана мимо мечети Омара и множества греческих, русских и франко-итальянских храмов к гробу Христа, находится дворец-замок. Он принадлежал раньше императору Вильгельму Второму. Сейчас здесь проживает со своей свитой иерусалимский губернатор генерал Сторрс. Резиденция властителя Святой земли охраняется индусами-сикхами²⁵.

Повесть написана писателем-евреем, живущим в Советском Союзе. Поэтому неудивительна как фраза от лица автора в начале повести

С годами мы стали забывать легенду о родине, а с первых дней Октябрьской революции и не вспоминали больше о Святой земле²⁶,

так и заявление одного из героев: «на Палестину мы много надеялись, но мало от нее получили»²⁷. И, тем не менее, более трех четвертей действия происходит именно в Палестине, а Биробиджан и трудовые подвиги евреев-переселенцев – скорее необходимое условие для возможности описать жизнь евреев Палестины, нарисовать, пусть и с чужих слов, картины Иерусалима и Тель-Авива, перечислить имена видных деятелей сионизма – Герцля, Жаботинского, Усышкина, Трумпельдора, Клаузнера.

В 1944 году Гехт был арестован по статье 58-10, приговорен к восьми годам заключения. В лагере его фамилию шуточно расшифровывали как «Грустный Еврейский Художественный Текст». С этой расшифровкой поразительно совпадает и последнее упоминание Иерусалима в повести.

В Иерусалиме – лето. Пусты водоемы, лениво кружится по улицам пыль, жизнь грустна²⁸.

²⁴ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 93–94.

²⁵ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 135.

²⁶ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 15.

²⁷ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с.

²⁸ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936, с. 229.

Тем не менее, повесть Гехта остается единственной в советской литературе, настолько подробно и ярко описывающей Иерусалим, его святыни и быт города начала двадцатых годов. Семен Гехт освобожден из лагеря в 1952 году, был реабилитирован в 1956-м. Он продолжил работать, последняя книга «Долги сердца» (1963) вышла за несколько дней до смерти. В некрологе были перечислены книги Гехта, но об «аравийском романе» не упоминалось, впрочем, как и об аресте и заключении. После долгих лет забвения повесть Семена Гехта была переиздана в 2016 году²⁹.

Bibliografia

- С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно*, Москва 1936.
- И. Ильф, *Записные книжки: Первое полное издание*, Москва 2000.
- С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно: Рассказы и повесть* / Сост. и подготовка текста А. Яворской, Москва 2016.
- А. Л. Яворская, *Письма Семена Гехта в фондах ОЛИМ*, [в:] *Дом князя Гагарина*, вып. 3, т. 2, Одесса 2004.
- Н. С. Гумилев, *Стихи. Поэмы*, Тбилиси 1989.

Alena Yavorska

Odesa Literary Museum

JERUSALEM IN SEYMON HECHT'S STORY “THE STEAMER GOES TO JAFFA AND BACK” (1930)

Summary

Semyon Hecht's story “The Steamer Goes to Jaffa and Back” is the only work in Soviet literature of the 1930s that describes the political and everyday realities of Palestinian life in the early 1920s. Hecht had never been abroad, and a detailed description of the political life of Palestine was based on the accounts of the KGB intelligence officer Yakov Blumkin. Description of Jerusalem, Jewish and Christian shrines are given through the eyes of an immigrant from Odessa. The story protagonist's attitude to the city and his descriptions change from enthusiastic and admiring at the beginning to gloomy at the end.

Keywords: Jerusalem, Semen Gext, Jakov Bumkin, Palestine, Bezalel.

²⁹ С. Г. Гехт, *Пароход идет в Яффу и обратно: Рассказы и повесть* / Сост. и подготовка текста А. Яворской, Москва 2016.